

Алесь Мищенко (TG: @Vostok 🌌)

Сказка о сером небе и волшебном слове

из сборника «Сказки, ставшие взрослыми»

*Журчат ручьи, Кричат грачи,
И тает лед и сердце тает,
И даже пень в апрельский день,
Березкой снова стать мечтает*

Эту песню я помню с детства. Но в моём, городском детстве, весна начиналась по-другому. Ведь ни грачи, ни другие птицы, не прилетают весной на столичные проспекты. И ручьи в городе не журчат, потому что талая вода не сбегается со всех дворов и не течёт по улицам. Она прямо во дворах стекает, через специальные отверстия в асфальте, под землю...

Нет, весна в городе начинается не так, как обещали в детских стихах и песенках: без грачей и подснежников. Она начинается вверху. Внезапно, в один прекрасный день, серое зимнее небо сменяется пронзительно-синим. И по нему, словно перелётные птицы, возвращающиеся из дальних краёв, начинают плыть белоснежные сверкающие облака.

Я помню из моего детства, что эту перемену в небе замечали не все. Занятые взрослые по-прежнему толпились на остановках, редко смотрели вверх и не замечали того что там творилось. Но всё равно, именно из-за этого весеннего неба у них, как пелось в песне, "сердце таяло" и чудилось что пень "березкой снова стать мечтает". Просто они не понимали что такое весеннее настроение им создало именно это внезапно появившееся пронзительно-синее небо. Они удивлённо смотрели по сторонам, как будто пытались найти причину такой перемены настроения. А вокруг всё уже двигалось в весеннем ритме. И родители начинали обращать моё внимание на распускающиеся на деревьях почки и обещать что скоро лето, каникулы и возможно даже поездка на море. У моих друзей по двору терялись шапки и появлялись идеи слазить на стройку. Девчонки галдели как галки или сороки и, также как сороки, зарывали глубоко в песочницах разные блестящие вещи, называя эти клады «секретами». Все смотрели по сторонам и заново находили очень много интересного: и

проснувшись от зимнего сна таинственную стройку, и внезапно появившуюся из-под снега песочницу, и враждебный соседний двор.

И только один мальчик во дворе не смотрел ни вверх, ни даже в сторону заброшенной стройки. Да что там вверх, он вообще по сторонам старался не смотреть. Сторонился детей и не разговаривал со взрослыми. Даже своим родителям отвечал односложно, смотря при этом куда-то вбок. Что зимой, что летом, он сидел в одном и том же месте на краю скамейки у второго подъезда и играл в «игру 15». Во времена моего детства была такая скучная игра, в которой фишки-цифры надо было выстроить в правильном порядке: от 1 до 15.

В нашем дворе этого странного мальчика не любили. Точнее, не то чтобы не любили, а просто смотрели на него косо. Он был для всех чужим – как будто какой-то инопланетянин высадился в наш двор – прямо на скамейку у второго подъезда. Высадился и так и остался там сидеть, занимаясь своими инопланетянскими делами и не вступая в контакт с нашей цивилизацией. Вот на кого он был похож. И мы, конечно, тоже с этим мальчиком не заговаривали и не звали играть, сторонились его: мало ли что у этого, странного, на уме.

Если бы он был чуть постарше, то его, наверное, бы побаивались, придумывая и пугая девчонок страшными историями – как он вдруг вскочил и кинулся на проходящего мальчика из соседнего двора. Или, например, придумали бы как какой-то старичок наклонился к нему: «мальчик, как тебя зовут?» – а он, вместо ответа, возьми да и вцепись ему в горло. Так и загрыз старичка, как цепная собака. Или придумали бы как однажды какая-то мама оставила коляску у второго подъезда и отошла спросить который час. А когда вернулась, то в коляске вместо её ребёнка сидел и рычал этот мальчик. Мы, вообще, были мастера придумывать страшные истории – особенно про заброшенную стройку или про хулиганов из соседнего враждебного двора. Но про него никаких историй мы не придумывали. Потому что страшных историй про младших мальчиков никто не боится.

Зато над младшими все смеются. И мы смеялись: И когда в него случайно попал наш мяч (он вздрогнул и подвинулся ещё

ближе к краю скамейки). И когда ворона украла у него бутерброд, а он, отвлѣкшись от своей игры, долго искал его – и в карманах, и под скамейкой, и даже посмотрел среди мусора в урне. И когда, действительно, какой-то старичок что-то спросил у него и, не дождавшись ответа, долго потом стоял и отчитывал его, вспоминая как раньше дети были вежливые, здоровались со взрослыми и отвечали на их вопросы. Мальчик всё больше втягивал голову в плечи и горбился над своей «игрой 15».

После этой истории мне стало жаль того мальчика и, назавтра, проходя мимо второго подъезда, я сказал ему «привет». Он ничего не ответил, только заёрзал на своей скамейке. На следующий день я снова сказал «привет» и он снова заёрзал, но уже с каким-то довольным видом. Ну а на третий день он даже высматривал меня когда я выйду из подъезда. Мои друзья, видя что я даже с ним как-то общаюсь, перестали над ним смеяться. А я планировал даже заговорить с ним, думал что сказать. Я ведь тоже в детстве был не слишком общительным и мне приходилось придумывать что когда и кому сказать. Я подумал, что надо ему рассказать про вот это весеннее небо – чтобы он тоже посмотрел вверх, отвлѣкся от своей «игры 15», заметил что серое зимнее небо закончилось. Мне казалось, когда он посмотрит вверх, что-то изменится в его нелюдимом характере, что-то оттаяет, как оттаял Кай в сказке про Снежную королеву. Так я и решил сделать завтра.

Потому что я (по-крайней мере как мне казалось) открыл какой-то всеобщий весенний закон, первопричину всех весенних перемен вокруг – вот эту смену неба – с серого на синее. Я и сейчас, много лет спустя, став взрослым, и даже став учёным, по-прежнему считаю это одним из своих самых главных открытий.

Тем более, я теперь знаю, что такие превращения в небесах – это счастливая случайность. Это именно нам, землянам, повезло, что вот так, каждую весну серая крышка зимнего неба открывается и мы видим над собой эту синюю бесконечность – облачный край.

Потому что только у Земли такое странное небо. Большинство планет во Вселенной почти не имеют атмосферы. Там нет ни воздуха, ни неба – лишь постоянный, неизменный чѣрный ночной космос над головой. Жизнь на таких планетах не появляется. А

ещё бывает так что атмосфера есть, но она непрозрачная. Так, например, на Венере – ближайшей к Земле планете. Жизнь там возможна. Сейчас, как считают учёные, на поверхности Венеры очень жарко из-за парникового эффекта и, поэтому, венерианские микроскопические жители могут жить, как наши сказочные персонажи, на облаках. Но, может быть потом, через миллионы лет, когда поверхность Венеры остынет, эти жители, вместе с венерианскими дождями, упадут на поверхность, скопятся в морях, вырастут, превратятся в невообразимых для нас рыб, выйдут на сушу, станут животными, потом людьми, построят города. А, впрочем, почему через миллионы лет? Может быть, они всё это уже сделали – ведь на таких планетах, как Венера, не заглянешь под плотный слой облаков. Как бы там ни было – сейчас или в будущем – тамошние жители, всю свою историю будут видеть над собой только вот такое серое, беспросветное зимнее небо. И таких планет, живущих под непрозрачной крышкой атмосферы, большинство.

О чём думают эти инопланетяне, когда смотрят, так же как и мы, в свои небеса? У них нет никаких причин считать, что вот эта вечная небесная серость где-то заканчивается. Даже если они придумают самолёт для более быстрого передвижения по своей планете, у них не будет никакого желания подниматься всё выше и выше – зачем, ведь, сколько ни поднимайся, вокруг будет лишь один серый туман. Они его видят и на высоте 50 метров, из окон своих многоэтажек (когда их дороги и дворы уже скрываются в облачной дымке). Они его видят и на высоте 500 метров, на крышах их небоскрёбов (когда – что вверху, что внизу – одинаковый серый беспросветный туман). Они его видят и на высоте 5-10 километров где летают их самолёты. Выше самолёты подняться не могут, да и не нужно. Никто не верит что на высоте 20, 30, 100 или тысячу километров закончатся эти вечные серые облака.

Никто не придумывает ракеты, потому что даже не догадывается что где-то там наверху, на расстоянии 50 миллионов километров может быть Земля с человеческой цивилизацией, а ещё дальше – раскалённое Солнце, которое в миллион раз больше и Земли и Венеры (и от которого, оказывается, бывает день и ночь), а также и другие звёзды в миллионы раз больше

самого Солнца, и галактики, в миллиарды миллиардов раз больше самых больших звёзд, и вообще весь космос, в котором эти галактики – как песчинки в бескрайней пустыне. Если обо всём этом рассказать жителям Венеры – они, конечно не поверят. Они думают, что серое небо над головой не кончается никогда. Мы верим в бескрайний космос, а они верят в бескрайнее серое небо.

Это мы, дети-земляне, мечтаем в детстве прыгать с облака на облако, потом мечтаем стать космонавтами, побывать на Луне, долететь до Солнца и до звёзд. А дети Венеры не видят вверху ничего интересного. Да и внизу тоже. Возможно, конечно, девчонки на Венере тоже, копаясь пластмассовыми совочками в песочнице, закапывают там свои «секреты». Но сама планета готовит им мало секретов: после песка песочницы, идёт глина, глина, глина – на многие километры. Ничего интересного – ни сверху, ни снизу. Никакой бесконечности которую можно будет открывать. Никакой бездонности, в которой можно будет копать всю жизнь. Никакой – кроме той что внутри, кроме мира их собственных фантазий и снов. И наверное, только туда могут углубляться жители Венеры. С самого детства они не будут мечтать стать космонавтами, не будут читать фантастику типа «марсианских хроник» и смотреть мультфильмы типа «тайны третьей планеты». Поэтому, возможно, что, с самого детства они будут думать о чём-то своём, фантазировать и придумывать себе всё новые и новые миры. У каждого, замкнувшегося в себе ребёнка Венеры, будет свой внутренний мир. Можно сказать, он будет играть только там.

Такие инопланетяне не выйдут встречать наши ракеты, махая своими железными или амёбовидными руками: «Добро пожаловать, представители другой цивилизации!» Потому что они вообще не будут представлять себе какие-то другие цивилизации. Мы для них будем просто чужие, непонятные существа, а, может быть, и просто мираж, обман зрения.

Совсем не так будет выглядеть первый контакт с этими инопланетянами. Он будет похож на мой контакт с тем мальчиком, из моего далёкого детства. И я, ещё в детстве, ждал этого странного контакта. Верил, что именно я смогу найти какое-то волшебное слово – так же, как когда-то в детстве я нашёл вот это слово «привет». И, в то время как все будут уверены, что эти

инопланетяне угрюмы потому что злы, я докажу, что нет, они не хорошие и не плохие, а просто аутичные, погружённые в себя.

Я ждал этого контакта чтобы рассказать им это всё – и про то, что серое небо не бесконечно, и про то что за ним есть целый мир — и вот это весеннее Солнце, и далёкий космос и наша планета Земля с таким пронзительно синим небом которое нас зовёт вверх, к новым и новым открытиям. Я ждал, потому что тогда мне так и не удалось рассказать тому мальчику про синее весеннее небо. Он куда-то делся, наверное, переехал с родителями... Поэтому... Если увидишь его, или такого же как он – покажи ему это небо. Он ждёт.

* * *

С тех пор прошло много лет. Я стал взрослым, и, вместе со мной, изменилась, повзрослела на несколько десятилетий и Земля. Климат стал жарче. В земной атмосфере появился парниковый эффект – как на Венере. Да и люди стали больше похожи на жителей Венеры – таких, какими я их себе представлял в детстве. Земляне тоже всё больше замыкаются – каждый в своём мире. Каждый всё меньше смотрит вокруг и всё больше – в свой телефон. Совсем как тот мальчик из далёкого теперь детства смотрел в свою «игру 15». И кажется, что уже ничто не отвлечёт их, не вытащит из своего виртуального мира.

Но я теперь знаю волшебное слово, которое сработало и тем «мальчиком с Венеры» что жил когда-то в нашем дворе, и которое должно сработать с настоящими инопланетянами «венерианского» типа. А значит, тем более должно сработать и с людьми, которые всё больше и больше превращаются в венерианцев. И теперь, приходя на работу, я киваю даже незнакомым людям, как-бы говоря «Привет» и они улыбаются в ответ – и тоже, довольные, ёрзают на своих рабочих местах – совсем как тот соседский мальчик. Потому что большинство людей – не хорошие и не плохие, не добро и не зло. Они становятся добром или злом – в зависимости от того, с каким волшебным словом мы обращаемся к ним.

[Следующая сказка.](#) [Оглавление.](#) Обратная связь: @Vostok